

Для решения этого вопроса требовалось предварительно изучить и освоить огромный рукописный материал, преимущественно сборники исторического содержания, составленные в XVI—XVII столетиях.

Публикуемая работа покойного М. Н. Сперанского — итог многолетней работы автора над изучением повествовательного материала в сборниках постоянного состава, в первую очередь — в сборниках исторического содержания. Систематическое обследование сборников проводилось им преимущественно в Отделе рукописей Государственного Исторического музея, где он работал в 1921—1929 годах. Дополнительно им были привлечены десятки рукописей из собраний Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Библиотеки Академии Наук СССР, а также некоторых зарубежных архивов (например, б. Музея королевства Чешского в Праге). М. Н. Сперанский собирал материал для своей монографии в течение долгих лет и завершил ее зимой 1936/37 года. Заключение помечено им датой „18 февраля 1937 года“.

Такое широкое изучение рукописной традиции повестей о взятии Царьграда еще никогда не производилось, причем многие произведения (отголоски событий 1453 года в документах и летописных сказаниях на основе устных источников, повести об этих событиях в „Степенной книге“, в Хронографе 1617 года, „Скифская история“ А. Лызлова, Густинская летопись, поздние переводные источники типа Хронографа Малаксы и „Хроники“ псевдо-Дорофея, наконец, печатное издание 1713 года и идущие от него рукописные тексты в сборниках XVIII века и т. п.) были привлечены исследователем впервые.

Изучение повестей в составе сборников позволило автору: 1) проследить процесс циклизации повестей об исторических судьбах Византии в русской письменности на рубеже XVI—XVII веков, 2) выявить состав наиболее типичных циклов и 3) показать взаимодействие повестей внутри циклов (эпизоды из сказания о построении св. Софии в Царьграде, вставки из сказаний И. С. Пересветова в списках хронографической повести в сборниках постоянного состава).

Этот новый подход к материалу дал возможность автору поставить на прочную основу вопрос о взаимоотношении произведений, о степени их распространения, историко-литературном значении и сделать наблюдения над эволюцией жанра исторической повести на протяжении двух столетий (от начала XVI до начала XVIII века).

Широкая популярность пространной повести о взятии Царьграда, как показал М. Н. Сперанский, обусловила обращение к ней как к литературному образцу ряда писателей XVI и XVII веков (автора „Истории

ментах XV века, ранние летописные записи, на основе устных рассказов, повесть о взятии Царьграда в Хронографе 1617 года и т. п.), ограничился формальной и упрощенной генеалогией произведений, не обосновав ее текстологическим анализом. Вопросы об идейно-политическом освещении событий 1453 года в русской литературе XVI—XVIII веков, о развитии жанра исторической повести Б. Унбегауном не затронуты. Г. П. Бельченко (К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 507—513) поставил перед собой частную задачу — выделить в русской пространной повести то первоначальное зерно, которое можно приписать Нестору Искандеру. Исследователь не ставил в этой статье никаких общих историко-литературных проблем, в том числе не интересовался взаимоотношениями искандеровской и хронографической повестей. Оба исследования, как видно из вышеизложенного, не разрешают комплекса вопросов, возникающих при изучении русских повестей о взятии Царьграда, и требуют поэтому пересмотра, исправлений и дополнений.